

Интерес к творческому наследию Осипа Мандельштама ширится постоянно. Книга его статей «Слово и культура», выпущенная издательством «Советский писатель», разошлась за считанные дни.

24—26 февраля по инициативе комиссии по литературному наследию поэта, Литературного института, Института мировой литературы и МГУ впервые пройдут мандельштамовские чтения. В них примут участие поэты, писатели, исследователи творчества Мандельштама из разных городов Советского Союза. Об Осипе Мандельштаме рассказывает член комиссии по литературному наследию поэта, один из организаторов чтений Лев ОЗЕРОВ.

«ПОПРОБУЙТЕ МЕНЯ ОТ ВЕКА ОТОРВАТЬ...»

Размышления об Осипе Мандельштаме

ГОСЛИТИЗДАТ, тридцатые годы. По узкой каменной лестнице поднимаюсь я на третий этаж, встречая А. С. Новикова-Прибоя, Ю. К. Олешу, И. Н. Розанова, Андрея Белого, Б. Л. Пастернака, В. Г. Лидина, А. Г. Малышкина и многих других. В издательстве знали и любили авторов.

Стоя в кабинете заведующего поэтической редакцией Василия Казина, я видел сидевших у противоположной стены Осипа Эмильевича Мандельштама и его жену Надежду Яковлевну. Я тихо беседовал с поэтом Михаилом Зенкевичем — милым, робким, как бы всегда извиняющимся. Я, конечно, знал, что Мандельштам и Зенкевич — акмеисты, но об этом в ту пору не принято было говорить вслух, так как они все были объявлены представителями крупной буржуазии, адвокатами декаданта, носителями литературного распада. Это было непостижимо и ранило мое читательское сердце, переполненное стихами и того, и другого.

Мандельштам подошел к стоявшему на столе телефону и позвонил:

— Любопытству, прочитали ли вы, Николай Николаевич, мою прозу?.. Что ж, подожду. Хотя мне очень нужна рукопись, но вместе с тем хотелось бы знать ваше мнение. Простите, что беспокою...

Легко было догадаться, что разговор шел с поэтом Н. Н. Асеевым, который в дальнейшем лестно отзовется о Мандельштаме и назовет его в одной из своих статей «нервически гордым».

...ОДНО из лучших своих стихотворений Мандельштам заключает так: «...покинув корабль, натрудивший в морях полотно, Одиссей возвратился, пространством и временем полный...»

«Пространством и временем полный» возвратился, вернее сказать, возвращается Осип Мандельштам к нашим современникам. Возвращается не один, а вместе с близкими ему Анной Ахматовой и Николаем Гумилевым («Знайте, что я обладаю

способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и Вами» — в письме к Анне Андреевне, 25 августа 1928 года). Он возвращается к нам вместе с Владиславом Ходасевичем, Николаем Клюевым, Сергеем Клычковым, Михаилом Кузминим, Владимиром Нарбутом. Возвращается вместе со своим веком. Это его слова: «Попробуйте меня от века оторвать, ручаясь вам, себе свернете шею».

«Пространством и временем полный» возвращается Осип Мандельштам в лоно отечественной культуры. Его создания, замороженные в прошлые десятилетия, оттаивают для наших читателей и слушателей. В новое, переживаемое нами время они обретают новый смысл, о котором прежде и догадываться было нельзя. Это, впрочем, свойство любого подлинного искусства. В строках поэта — энергия, адресованная будущему.

Конечно, возвращение к нам Осипа Эмильевича Мандельштама — метафора. Можно ее расшифровать так: не он возвращается к нам, а мы возвращаемся к нему. И это будет верно. Процесс обоюдный, сложный, обнадеживающий.

Поэт, переводчик, прозаик, историк культуры, он только в ходе времени (у него — в «шуме времени»), вот сейчас, прочитан, прочитывается. Он еще недостаточно узнан. Правда, справедливости ради надо сказать, что настоящие любители поэзии всегда его помнили и не оставляли без внимания. Прежде всего — за высокий душевный строй его поэзии. За музыку слова. За живопись словом. За то, что выше самого высокого мастерства, — за колдовство.

ВЫШЕДШАЯ в 1913 году первая книга стихов Осипа Мандельштама «Камень» сразу же обратила на себя пристальное внимание. Сказать свое слово, когда в поэзии творили Блок и Сологуб, Андрей Белый и Ахматова, было нелегко. Мандельштам сделал это. За «Камнем» последовали:

«Tristia» (1922), «Вторая книга» (1933), «Стихотворения» (1928), две книги прозы — «Шум времени» (1925) и «Египетская марка» (1928), сборник статей «О поэзии» (1928). Одни заметят, имея в виду количество: мало! Другие — много! Имея в виду весомость и плотность созданного.

В 1915 году поэт сказал, что воспевающий камень, он ныне воспекает дерево. Живое, растущее, имеющее корни и пускающее ветви дерево. Тогда же он вскользь упомянул и пламень, уничтожающий его жизнь. Можно предположить, что он имел в виду поэзию — огонь, пожирающий творца. Но судьба расшифровала этот образ по-иному. Пламень сжигал и сжег эту жизнь. А жил он, по его же слову, «на разрыв аорты».

В 1933 году он написал стихи о Сталине, которые сыграли роковую роль в судьбе поэта. Сталин узнал об этих стихах. Месть впоследствии последовала.

В мае 1934 года его арестовали. Ордер на арест подписан «самим» Ягодой. Ссылка — Чердынь. Выбросился из окна. Выжил. Сперва говорил, что еще не готов к смерти. Но потом уверенно: «Я к смерти готов». Это был человек и поэт традиционного для передовой русской литературы бесстрашия.

Принято писать: в 1937 году оборвалось творчество Осипа Мандельштама. Так оно вдруг взяло и оборвалось (при таком обилии планов и умения творить круглосуточно!)

Принято писать: он умер в 1938 году. Какая тихая некрологическая фраза! Он погиб, и мы доселе не знаем, при каких обстоятельствах погиб. Есть несколько версий на уровне легенд. Все они тяжелы для души и сознания. Мы не знаем, где его могила... Когда я говорю и пишу о Мандельштаме, мне неловко, мне стыдно быть красноречивым. Здесь трагедия накладывается на трагедию, здесь «бездна бездну призывает», как сказано в Священном писании.

«Я должен жить, хотя я дважды умер», — писал Осип Мандельштам. Сколько стоит за этой строкой! Всей своей жизнью, своей смертью Мандельштам получил бессмертное право на участие в нашей поэзии, в духовном становлении новых поколений. Для такого полного участия не хватает его же книг, изданных не полностью и недостаточными тиражами.

Камень — дерево — пламень, воспеты Осипом Мандельштамом, — какое мощное триединство! Поэт имел дело с изначальными стихиями. И эти стихии сочетаются у него под знаком трагедии. Он философ, но противостоит рассудочности. Его глубокое чувство противопоставлено чувствительности. Спиртовой пламень его строки одновременно обжигает и возвращает к жизни. Исследователи пытались записать его, «как шапку в рукав», в разного рода «измы». Но он не укладывался в рамки школ и школок.

ОН НАСЛЕДНИК КЛАССИКИ: Державина, Батюшкова, Пушкина, Тютчева. И еще — Данте, Петрарки, Вийона, Расина. Стронник лады и склада, гармонии, меры. Меры, а не гимназического канона. У него было чувство целого при виде деталей. Он обладал тем, что сам по другому поводу назвал «хищным глазомером». Логически необъяснимы глубокие кротовые пути его ассоциаций. Призмеленно бытовое сочетается у него с небесным, мифологическим, возвышенным. В этой гремучей смеси рождается присущий ему одному поэтический образ золотистого меда, струя которого течет из бутылки, и золотого руна из греческого мифа.

Архитектор словесных соборов, он точно знал кубатуру строки, строфы, целого стихотворения, цикла, книги. Он знал законы поэтической акустики. Он всегда жил в поисках чистого звука — пастушеского ли рожка, виолы ли, органа ли, оркестра ли. Он желал, чтобы его уста приобрели «первоначальную немоту, как кристаллическую ноту, что от рождения чиста...»

Несколько раз в жизни я близко видел Мандельштама, слушал его. Облик врача, педагога, инженера, лектора. Это — пока он не начинал говорить и читать. В облике его было то, что я назвал бы — певучее молчание. Чувствовалось — человек переполнен думами, музыкой, собой. Начнет говорить, а затем и читать стихи, и загорается, становится выше, парит. Другие глаза, другое лицо...

В нем уживалось несовместимое. Он был скромный, смелый, гордый, незащищенный, вспыльчивый, добрый, строгий, умел слушать, не терял чувства юмора в разговоре, в строке. Им владела тоска по мировой культуре (так он, кстати, объяснял явление акмеизма, поэтического течения, сменившего символизм). Он был и знатоком истории русской речи и мастером ее поэтического истолкования.

ИНОГДА я видел Осипа Эмильевича в садике перед Домом Герцена, на Тверском бульваре, 25. Он расхаживал по двору.

Чувствовалось, что он думает о своем и его не следует отвлекать. Однажды я увидел его сидящим на скамейке. Голова была высоко вскинута, и взгляд блуждал по небу над «Зеленой газетой», как называли в старину Тверской бульвар. Вид у Мандельштама был отрешенный. Перед ним вяло, потягиваясь, проходила кошка. Мандельштам внезапно наклонился к ней, и пальцы его задвигались. Он явно был рад такой встрече. Кошка остановилась. Когда я подошел к скамейке, Мандельштам, скорбно произнес:

— Посмотрите, она больна...
— А может, ее просто нужно напоить и накормить? — спросил я.

— И это верно. Но я говорю вам, она больна, — тревожно произнес он.

Мы молча сочувственно смотрели на кошку и решали, что надо делать. К нам подошел человек, который сразу же присел перед кошкой на корточки. Он погладил ее. На лице его и на лбу задвигались глубокие морщины.

— Ей приятно ваше сочувствие. Но от этого она не выздоровеет, — сказал он.

Человек умело и уверенно взял кошку на руки и прикоснулся к ней щекой.

— Больна! Ей плохо. Отнесу ее к ветеринару! — сказал, не обращая ни к кому, и пошел к воротам. Это был Андрей Платонов.

Несколько раз слышал я чтение Мандельштама. Музыка стиха покоряла. Поэт выглядел ликующим, более того — победоносным. Дважды или трижды я слышал, как Анна Ахматова говорила: «Осип победил». Это уже после его смерти говорила, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Говорила легко, с удовольствием, решительно. На чем основывалось ее утверждение о победе Мандельштама? Ведь его стихи не печатались, имя не упоминалось, старые издания стали недоступными. Однажды я высказал все это Анне Андреевне. Она выслушала и ответила со свойственной ей великодушной медлительностью:

— Все верно. И все не так. Он добился редкого, особого, тайного внимания читателей. Я уже говорила и, кажется, писала, что изобретение Гуттенберга оказалось для него не столь нужным. Стихи передавались из уст в уста. Попробуйте, заставьте это сделать с другими авторами... И — после паузы:

— Конечно, победил. С годами мне открылось, что рано или поздно незаслуженно поруганные художники в сознании читателей берут верх над незаслуженно захваленными. Это судьба самой Ахматовой и Булгакова, Пастернака и Цветаевой, Зощенко и Платонова, Гумилева и Мандельштама. Замечают: не любят легковесных «счастливиц», баловней судьбы, обреченных на постоянную похвалу.

В тяжелый час поэт сказал: «От меня будет свету тепло». Эти слова выдержали самую суровую проверку — проверку временем.